

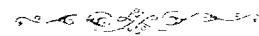
ГАЛИЧИНА

И

МОДАВІЯ.

ПУТЕВІЯ ЛИСЬМА

ВАСИЛІЯ КЕЛЬСІЕВА.

С. Петербургъ.

1868.

Представляя читателямъ собраніе моихъ писемъ изъ путешествія по Галичинѣ и Молдавіи въ 1866 — 1867 гг., я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько предварительныхъ словъ. То, что я рассказываю объ этихъ странахъ вынесено мною не изъ библіотекъ, а изъ личныхъ наблюденій. Я рассказываю о Галичинѣ и Молдавіи такъ, какъ я самъ къ нимъ могъ отнестись, и мой читатель возсей-неволей замѣтитъ, что я относился къ нимъ на столько искренно, на сколько это было возможно. Я рисую картину того, что видѣлъ, и рассказываю то, что понималъ. Если отзывы мои о положеніи дѣлъ въ Галичинѣ, о полякахъ и евреяхъ кому-нибудь покажутся несправедливыми, то журнальной полемики я съ нимъ не подыму, куда мой оппонентъ самъ не потрудится изслѣдовать эти малонзвѣстные края. И такъ вся моя книга основывается исключительно на моихъ *личныхъ* наблюденіяхъ, и въ чемъ я неправъ и въ чемъ я могу ошибаться, какъ человекъ, пускай оппоненты мои проверятъ на мѣстѣ. Затѣмъ, къ вопросу о евреяхъ, поднятому мною, сдѣлано нѣсколько подстрочныхъ примѣчаній въ отвѣтъ на нападки, которыми меня угостили въ некоторые органы нашей печати; прибавлю здѣсь одно — что этотъ вопросъ чисто *русскій*, и что мы въ немъ не можемъ руководиться примѣромъ Западной Европы, хоть бы по тому одному, что во всей Западной Европѣ число евреевъ ничтожно, а у насъ они — сила и власть, и вопросъ объ нихъ касается насъ слишкомъ близко, притомъ западные вѣрованія и западные принципы для насъ въ данномъ случаѣ далеко не указка.

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
кварт. № 3.

II

Въ отвѣтъ гг. украинифиламъ я не скажу ничего — съ сектантами мудрено спорить — но пусть же они изучать вопросъ и пусть поймутъ, что теорія ихъ гибельна, и что они ведутъ не только южный народъ, но и все славянство, къ тому разрыву и къ той розни, которая имъ вовсе не желательна. Я вполне убѣжденъ, что украинифилы люди честные, и что намѣреніе ихъ честное, но эти люди увлекаются и приходятъ изъ увлеченія къ абсурдамъ.

Обстоятельства, рассказанныя въ этой книгѣ, а именно моя высылка изъ Галичины, не дали мнѣ возможности изучить край такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось. То, чего я не узналъ о полякахъ и о евреяхъ въ Галичинѣ, я постарался узнать въ Молдавіи. Нужно было или отказаться отъ изученія вопроса или изучить его тамъ, куда судьба загнала. На сколько я правъ, на сколько я ошибаюсь, самъ я, разумѣется, не знаю; но, повторяю, пусть же тѣ господа, которые со мной захотятъ спорить, изучать вопросъ *на мѣстѣ*.

Если на меня станутъ нападать за то, что въ моей книгѣ нѣтъ послѣдовательности, что первыя главы полны археологическими и библиографическими замѣтками, а въ послѣднихъ нѣтъ ни того ни другаго, то происхожденіе ея, какъ отдѣльныхъ писемъ, корреспонденцій въ газету, объясняетъ ея недостатки. Я не знаю лучше ли бы я поступилъ, предавъ забвенію эти письма, чѣмъ поступаю теперь, отпечатавъ ихъ отдѣльной книгой; но знаю только то, что если бы я не перепечаталъ моихъ писемъ, то у нашей русской публики не было бы *ровно ничего, ровно ни одной книги о Галичинѣ*, объ этомъ совершенно для русской публики невѣдомомъ *русскомъ* краѣ. Я былъ въ немъ тѣмъ, что называется на дальнемъ западѣ Америки *монеромъ*; и дорогу проложивъ, пусть идетъ теперь по ней кто хочетъ и пусть пишетъ о Галичинѣ книгу дѣльнѣе и серьезнѣе моей. Я первый обрадуюсь тому, если этотъ забытый и забытый край

III

русской земли вынырнетъ изъ омуты неизвѣстности и изъ тины нелѣпаго и безтолковаго сочувствія. Сочувствіе краю можетъ основываться только на знаніи его. У насъ сочувствуютъ Галичинѣ, какъ сочувствуютъ всѣмъ славянамъ, не зная, о чемъ идетъ дѣло, не понимая ея болѣе, не зная ея скорбей.

На меня нападаютъ за мою, будто-бы, страсть рисовать своей личностью передъ публикою, выставя себя при каждомъ случаѣ какимъ-то героемъ и какъ бы осяю, вокругъ которой вращается все рассказываемое мною. — У каждаго своя манера, каждый работаетъ по источникамъ, которыми онъ располагалъ. Источники, которыми пользовался и, какъ я уже говорилъ — мои *личные* наблюденія, случаи, бывавшіе со мною — какъ-же имъ не занимать виднаго мѣста въ моихъ рассказахъ? Не всегда ли *факты* служатъ основаніемъ всякихъ выводовъ, соображеній, теорій — политическихъ, государственныхъ и другихъ? Притомъ такіе субъективные рассказы, какъ напр. рассказъ о моемъ арестѣ въ Карпатахъ, имѣютъ еще особое значеніе и пользу. За него станутъ нападать на меня кабинетные рецензенты, станутъ трунить надо мною за минимую влюбленность въ мою собственную особу — пусть такъ, на здоровье. Но можетъ быть не съ такимъ чувствомъ помянетъ меня какой нибудь русскій путешественникъ или изслѣдователь, если, забравшись въ подобные края, очутится въ положеніи, схожемъ съ положеніемъ изъ котораго мнѣ пришлось вынуждаться въ Коломыяхъ. Вспомнивъ мой подробный рассказъ, доказывающій *que le diable n'est pas si noir, qu'on le fait*, онъ ободрится, не потеряетъ присутствія духа — а въ этомъ половина спасенія.

Необходима еще слѣдующая оговорка: если вздумаютъ спрашивать *по одиночкѣ* Галичанъ въ Австріи о томъ, до чего довели ихъ усилія поляковъ и духовенство римской церкви, они, *само собой разумѣется*, будутъ говорить со-

вершенно не то, что сказано мною, — о чемъ и предупреждаю моихъ читателей.

Затѣмъ, пусть читатель приметъ мою книгу такой, какова она есть. Что я могъ написать, я написалъ. Вся моя книга—рядъ вопросовъ: о Польшѣ, объ южнорусскомъ народѣ, объ евреяхъ, о церкви и о костелѣ — вопросовъ, которые рѣшимъ не мы, люди XIX вѣка, но надъ которыми не ломать голову мы не можемъ. Я забираюсь въ захолустья и трущобы, въ которыя до меня никто изъ нашей пишущей братии не забирался — а потому пишущая братия (я говорю собственно о дилетантахъ литературы и публицистики) судить меня не можетъ. Изъ захолустьевъ я вынесъ рядъ загадокъ. Разгадать ихъ не могу, а на общій судъ повергнуть дерзаю. Прошу только объ одномъ: чтобъ меньше обращали вниманіе на мою личность, а больше на *вопросы*, которые я подымаю.

Еще одно слово: письма, вошедшія въ составъ этой книги, помѣщались въ газетѣ «Голосъ» за послѣдніе два года. Перепечатывая ихъ, я счелъ необходимымъ во многомъ исправить ихъ и, гдѣ оказалось нужнымъ, дополнить.

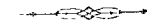
1868 г. Октября 8.

С.-Петербургъ.

Василій Кельсіевъ.

Оглавленіе.

	СТРАН.
Предисловіе	I
Въ Краковѣ	1
Перемышль . . . . . Письмо: I	7
„ „ „ „ „ Письмо: II	23
„ „ „ „ „ Письмо: III	29
Львовъ . . . . . Письмо: I	46
„ „ „ „ „ Письмо: II	52
„ „ „ „ „ Письмо: III	58
„ „ „ „ „ Письмо: IV	64
„ „ „ „ „ Письмо: V	85
Хлопы . . . . . Письмо: I	99
„ „ „ „ „ Письмо: II	115
„ „ „ „ „ Письмо: III	125
„ „ „ „ „ Письмо: IV	132
Іереи . . . . . Письмо: I	139
„ „ „ „ „ Письмо: II	153
„ „ „ „ „ Письмо: III	164
„ „ „ „ „ Письмо: IV	183
„ „ „ „ „ Письмо: V	188
„ „ „ „ „ Письмо: VI	196
Евреи . . . . . Письмо: I	202
„ „ „ „ „ Письмо: II	212
„ „ „ „ „ Письмо: III	220
„ „ „ „ „ Письмо: IV	233
Арестъ . . . . . Письмо: I	241
„ „ „ „ „ Письмо: II	252
„ „ „ „ „ Письмо: III	268
„ „ „ „ „ Письмо: IV	275
„ „ „ „ „ Письмо: V	284
Яссы	297
Польскіе эмигранты. Письмо: I	317
„ „ „ „ „ Письмо: II	328
„ „ „ „ „ Письмо: III	338

ГАЛИЧИНА и МОЛДАВІЯ.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

ВЪ КРАКОВѢ.

Нѣтъ ничего въ мірѣ гаже и презрѣннѣе ренегата. Самое слово ренегатъ таково, что бросити имъ въ глаза кому-нибудь, перемѣнившему свои убѣжденія или свою вѣру значитъ оскорбить его пуще чѣмъ на смерть. Между тѣмъ ренегатство имѣетъ свой глубокій смыслъ. Савла, сдѣлавшагося Павломъ, никто ренегатомъ признать не могъ. Никто не можетъ обвинить въ ренегатствѣ человека, который изъ монархиста сдѣлался республиканцемъ, который изъ атеиста сдѣлался монахомъ, или изъ монаха сдѣлался тѣмъ, что у насъ теперь въ Россіи называется нигилистомъ.

Но убѣжденія и вѣрованія мѣняются такъ нелегко, такъ нелегко, что только тотъ, кому приходилось ихъ мѣнять, знаетъ всю тяжесть этого страшнаго процесса — перемѣны вѣрованій. Со мной былъ этотъ страшный процессъ. Отрицатель я былъ почти съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, потому что меня душила еще ребенкомъ моя обстановка, и отрицателемъ остаюсь я до сихъ поръ. Изъ того, что я писалъ, изъ того, что я пишу, можно вывести заключеніе, какъ и выводили его, что я чело-

вѣкъ отсталый, что я консерваторъ, даже и то, что я увлекаясь, но прежде всего я искрененъ. Всякая неправда меня возмущаетъ, а еще болѣе того возмущаетъ меня каждое недоразумѣніе. Лѣтъ десять тому назадъ, я сдѣлался эмигрантомъ; видѣлъ пережилъ тѣмъ бытомъ, которымъ мало кто живетъ, и который рѣдко кому извѣстенъ. Я попалъ въ Турцію и сдѣлался тамъ адвокатомъ, опять-таки потому, что имѣлъ нравственную потребность пожить жизнью, которой никто не жилъ. Тяжелая судьба моя гоняла меня направо и налево, взадъ и впередъ, и догнала меня въ Вѣнѣ, гдѣ, превратившись въ Иванова-Желудкова, я жилъ себѣ въ ожиданіи, что не утромъ, такъ вечеромъ арестуютъ меня и сожгутъ мирно и скромно. изучая славянское дѣло.

Въ Вѣнѣ мнѣ поставили вопросъ, надъ которымъ я задумался. Я былъ искренній украинофилъ, и искренно вѣрилъ въ то, что для поляковъ есть возможность существовать отдѣльно. Со мной спорили, спорили специалисты по этому вопросу, спорили южнорусы. Я имъ не вѣрилъ и вѣрить имъ мнѣ было отвратительно, и отвратительно было мнѣ перемѣнить мои убѣжденія. тѣ самыя убѣжденія, которыя какъ гвозди забились мнѣ въ душу. Ложное убѣжденіе мнѣ кажется такъ же дѣйствуетъ какъ штыкъ воткнутый въ грудь. Покуда штыкъ остается въ груди, до тѣхъ поръ раненый живъ; стѣбитъ его выдернуть, чтобы убить этого раненаго. Покуда вѣра остается въ душѣ, до тѣхъ поръ живется легко и привольно. Вѣра тѣснить иногда, вѣра душистъ, но съ ней все-таки спокойно, съ ней сплось, какъ съ этимъ штыкомъ въ легкихъ; отнять эту вѣру, вырвать ее изъ сердца — сердце кровью обольется.

Мнѣ пришлось сдѣлать надъ собой такую операцію въ Вѣнѣ. Нѣсколько лѣтъ сразу вѣрилъ я въ украинофильство и въ польщину, и вдругъ въ Вѣнѣ славяне стали у меня выдергивать изъ груди этотъ всажанный штыкъ. Ампутація рака, дикаго мяса тяжела чрезвычайно и рѣшиться на нее весьма нелегко. Сдаться сразу на убѣжденія моихъ новыхъ знакомыхъ въ Вѣнѣ и не съумѣлъ, я съ ними спорилъ, и они возражали мнѣ одно только: «Вы знаете вопросъ польскій и украинскій по теоріи, по слухамъ — ступайте, изучите его на практикѣ». Единственное, что предстояло мнѣ для изученія южнорусскаго народа, его отношеній съ поляками и его униатства, — была Галичина. Я въ Галичину и отправился, несмотря на то, что меня отговаривали отъ этой поѣздки всѣ мои лучшіе пріятели въ Вѣнѣ,

которые, не зная, кто я такой, боялись за меня, что меня тамъ или арестуютъ, или выгонятъ, что, какъ въ настоящей моей книжкѣ сказано, дѣйствительно и совершилось. Пріятели мои боялись за меня, боялись за тѣ оскорбленія, которыя мнѣ можетъ нанести австрійское правительство, боялись за непріятности, которымъ мнѣ предстояло подвергнуться, но я ихъ не послушалъ — мнѣ хотѣлось узнать истину и своими глазами проверить, правда ли, что поляки такъ неправы? правда ли, что евреи такъ гнетутъ народъ? Во имя истины и во имя правды я двинулся и очутился въ Краковѣ.

Краковъ показался мнѣ городомъ въ высшей степени любопытнымъ, несмотря на то, что онъ затопленъ евреями, а поляки изъ него вытѣснены, и что ихъ дворцы (съ контрфорсами) населены сынами Израиля.

Краковъ былъ для меня любопытенъ. Я впрочемъ провелъ въ немъ всего двадцать четыре часа. Мнѣ хотѣлось его осмотрѣть, я прошелся всѣми улицами этого зампрающаго города, побывалъ въ бывшей залѣ сейма краковской республики, осмотрѣлъ старые костелы и наконецъ попалъ въ тотъ самый, гдѣ хоронили бывшихъ польскихъ королей.

Я видѣлъ на своемъ вѣку много церквей, но ни одна, даже Westminster-Abbey, не произвела на меня такого впечатлѣнія, какъ этотъ старый костелъ. Въ немъ пропасть придѣловъ, отдѣланныхъ средневѣковыми художниками. Каплица королевы Ядвиги вырѣзана вся арабесками рукой какого-то удивительнаго художника. Я присѣлъ къ ней на скамейку, а подлѣ меня присѣлъ какой-то полякъ. Мы оба смотрѣли и оба благоговѣли.

— Слухай, пане, сказалъ онъ мнѣ, — теперь художниковъ такихъ нѣтъ.

— Нѣтъ, сказалъ я — а у меня сердце сжималось.

— Пане, сказалъ онъ, принимая меня за поляка, — развѣ не велика и не хороша была наша цивилизація, что во времена королевы Ядвиги умѣли строить такіе каплицы. Я здѣсь, пане, сижу ужъ четвертый часъ и все смотрю. Какое это было государство! Какая мощь въ немъ была, и какіе таланты въ немъ цвѣли!

— Пане, сказалъ я, — я тоже пришелъ смотрѣть на остатки этого государства.

И вдругъ онъ обернулся ко мнѣ, и въ лицѣ его мелькнула

ненависть и отвращеніе: по моему произношенію онъ понялъ, что я moscal.

— Nie mam czasu, panie, (мнѣ некогда) сказалъ онъ, круто повернулся и вышелъ — вышелъ для того, чтобъ не оставаться со мной, съ москалемъ, въ этой святищѣ, которую я поганю своимъ присутствіемъ.

Я понялъ, что почувствовалъ этотъ человекъ, я понялъ, каково ему было въ торжественную минуту, когда онъ дышалъ воздухомъ старой Польши, вдругъ наткнуться на москаля, который, по его мнѣнію, варваръ и звѣрь, заражающій этотъ старый соборъ своимъ дыханіемъ. Мнѣ стало горько, онъ ушелъ. Сторожъ, которому нужно было нажать два, три злыхъ, предложилъ мнѣ свои услуги показывать соборъ. Какъ мнѣ совѣстно ни было, во-первыхъ, притворяться передъ старыми пріятелями, а сверхъ того относиться скептически къ ихъ правотѣ, я все-таки пошелъ бродить по этому старому собору. Сторожъ провелъ меня въ каплицу, гдѣ въ былые времена сидѣли польскіе короли и королевы, гдѣ органъ гремѣлъ, и гдѣ ловкій іезуитъ ловко проповѣдывалъ свою ловкую проповѣдь.

Въ этой каплицѣ сидѣлъ нашъ Дмитрій Самозванецъ, Маріана Мнишекъ, будущая московская царица, сидѣла тутъ, тутъ сиявали на этихъ самыхъ скамьяхъ Пушкины и прочая наша бѣглая братья, съ этихъ скамеекъ слышалась молитва противъ царя Ивана, противъ царя Алексѣя, Сапѣга входилъ сюда... Тѣнь за тѣнью, образъ за образомъ мелькали передо мной. Старая исторія, старая кровь точно съ полу подымалась и носилась около меня, призракъ за призракомъ, герои минувшихъ дней, *лицари* Рѣчи Посполитой, короли этого великаго и блестящаго государства выступали передо мной, садились на лавки, раскрывали молитвенники и молились искренно за святую вѣру католическую и за то, чтобъ Господь Богъ помогъ имъ побороть проклятую схизму. Я все видѣлъ въ эту минуту — я видѣлъ проповѣдника на кафедрѣ, я видѣлъ королей и королевъ польскихъ на скамьяхъ, я видѣлъ магнатеію, которая ихъ окружала: за дверями стояли пажи и знатная шляхта, которая кланялась королямъ и тайкомъ вела заговоры съ иностранными державами...

Я не помню минуты, которую бы я провелъ такъ торжественно, какъ эти четверть часа въ каплицѣ этого стараго костела.

Все было тихо, но тѣни мертвыхъ стояли передо мной, а

я, преступный человекъ, ѣхалъ бороться противъ нихъ въ Галлицинѣ, я ѣхалъ отрицать ихъ правоту, я ѣхалъ обличать ихъ ошибки, а это были тѣни далеко не дешевыя. Это были тѣни великія, это были герои, короли и цари, это были люди, которые спасли Вѣну, которые чуть чуть не завоевали Молдавію, а я иду противъ нихъ!

Я иду противъ нихъ какъ скептикъ, я иду анализировать, что отъ нихъ осталось, я иду разбирать, правы ли они были, дѣленъ ли былъ трудъ ихъ. И сижу я въ этой каплицѣ въ глухомъ и тяжкомъ раздумьѣ.

Около меня ходитъ сторожъ, одѣтый въ какую-то странную шинель, съ какой-то невѣроятной пелеринкой.

— Пане, говорить онъ — może, pan chce zobaczyć sklep. (По всей вѣроятности, панъ хочетъ осмотрѣть склепъ).

Мнѣ было тяжело, тяжело потому, что я ѣхалъ освидѣтельствовать все то, что сдѣлали эти короли, эти магнаты. Не до склепа мнѣ было: у меня не было въ ту минуту ни воли, ни желанія, куда бы меня ни позвали, я бы всюду пошелъ. Что тамъ въ склепѣ у нихъ? что мнѣ хочетъ показать этотъ церковный сторожъ? Мнѣ было все равно. Душа моя кипѣла тѣми ощущеніями, о которыхъ я рассказывалъ выше. Я шелъ въ склепъ, скорѣе повинуюсь сторожу и понимая только то, что ему хочется содрать съ меня еще нѣсколько крейцеровъ.

Онъ и его товарищъ подняли тяжелый люкъ, обитый мѣдью; они шли впередъ, освѣщая восковыми свѣчами подвалъ, въ который я спускался за ними по ступенькамъ. Свѣтъ на насъ лился сверху.

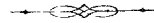
— Пане, сказалъ мнѣ спутникъ, указывая рукой на гранитную гробницу.

Я прочелъ на ней огромными буквами высѣченную надпись:

KOŚCIUSZKO.

Я остановился какъ громомъ пораженный: все, что смутно поднималось въ душѣ, при неожиданномъ видѣ этой простой надписи, подступило къ груди, стѣснило, душило меня. Глядя на эту простую плиту, подъ которой бокается прахъ великаго несчастливца и честнаго человека, мнѣ стало еще тяжелѣе, еще совѣстнѣе моего скептицизма, цѣли, съ которою я лодился въ путь; въ ушахъ громче, яснѣе раздалось отвратительное слово

ренегатъ, и только сознание моей глубокой искренности, уверенность что самъ Костюшко оцѣнилъ бы честное сомнѣніе, благо-словилъ бы на честную провѣрку святаго для него дѣла, помогло мнѣ преодолѣть то невыразимо тяжелое, давящее чувство, которое въ ту минуту овладѣло мною — и я, потрясенный, разбитый, но съ обновленной силою, вышелъ изъ склепа и изъ костела...

ПЕРЕМЫШЛѢ.

I.

Евреи, евреи и евреи — куда я ни повернусь, я въ царствѣ евреевъ. Очевидно, здѣсь все такъ устроилось, что безъ евреевъ шагу нельзя будетъ ступить. Они кружатъ около меня какъ мухи и навязываютъ всевозможныя услуги: купить что, деньги размѣнять, отыскать кого-нибудь. Отдѣлываться не успѣваю отъ нихъ...

Такъ вотъ какова была она. эта славная Рѣчь Посполитая! Здѣсь никто самъ для себя ничего не дѣлалъ, а во всемъ прибѣгалъ къ комисіонерамъ. Разумѣется, при такомъ устройствѣ, государство не могло удержаться, и я начинаю соглашаться съ тѣми историками, которые говорятъ, что гибель Польши была неизбежна. Въ самомъ дѣлѣ, Польша дѣлала все черезъ *факторовъ* — вводила *иностранная* войска и просила *иностранцевъ* поддерживать или подавлять ея конфедераціи, сеймы, министровъ и королей, — какъ въ возстаніяхъ противъ насъ рассчитываетъ теперь даже не столько на себя, сколько на иностранную поддержку. Судя по первымъ двумъ днямъ моего въ этой сторонѣ, я увижу много для меня новаго: тутъ люди живутъ совершенно иначе. чѣмъ гдѣ-либо на свѣтѣ. Все въ рукахъ евреевъ, которые мѣшаются во все — даже по улицѣ пройти нельзя, въ буквальный смыслъ слова *нельзя*, чтобъ они не предложили всего, что мнѣ нужно или ненужно, начиная отъ покупокъ и кончая тѣмъ, о чемъ говорить не принято. Удивительный край! Гдѣ я до сихъ поръ ни былъ, отъ Царсграда до Норвегіи и отъ Москвы до Парижа, вездѣ самъ промышлялъ о своихъ дѣлахъ — здѣсь же я хоть на боку лежи: за меня и думать и дѣлать будутъ другіе; только бы денегъ стало!

Итакъ, приступаю къ записыванію моихъ походовъ въ этой сторонѣ, гдѣ жизнь, должно быть, идетъ вверхъ ногами.

На станціи желѣзной дороги меня немедленно атаковали евреи, кельнеры и комисіонеры разныхъ отелей: «Zimmer wü-

schen sie?» «*Pan szuka hotelu?*» «Etwas kaufen?» «*Co kupisz?*» Скоро я приобстреляюсь и привыкну къ этому тормошенью; но сегодня у меня голова шла кругомъ. «Комнату мнѣ нужно», объявилъ: я — «но хочу впередъ цѣну знать».

— Але, нехай-же панъ попатри (посмотритъ)! кричатъ кругомъ.

— Хочу цѣну знать! провозглашаю я твердо и рѣшительно на томъ самомъ прекрасномъ языкѣ, который считаю польскимъ, а поляки принимаютъ за чешскій, сербскій, *московскій*, и который, третьяго дня, въ вагонѣ, одинъ господинъ имѣлъ любезность принять за французскій. Теоретически я хорошо знаю польскій языкъ, читалъ на немъ много, съ лексикальною его стороною близко знакомъ, но въ выговорѣ моемъ есть какая-то вопиющая фальшь, и полякъ долженъ хорошо прислушаться къ моему говору, чтобъ понимать, о чемъ именно я веду рѣчь. Читателю надо принять къ свѣдѣнію эту особенность моей личности, чтобъ вполне уразумѣть мои здѣшніе похождения. Цѣны немедленно начали сбавляться: *geschäft* дѣлается здѣсь скоро. Сорокъ крейцеровъ въ сутки (24 коп. сер.) я счелъ недорогою платою за номеръ, и отправился за вещами. Какой-то еврей подхватилъ фотографическій аппаратъ (я занимаюсь фотографіею), какой-то полякъ вцѣпился въ чемоданчикъ, и потащил ихъ со станціи. Гостинница оказалась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ желѣзной дороги, то-есть, отъ моей главной квартиры на долгое и долгое время, пока я не объѣду всю Галицію, Познань, Лужицу, Литву и многія другія невѣдомыя у насъ страны. Я очутился въ корчмѣ: долговязый еврей, одѣтый по-европейски, съ весьма короткими пейсами, выскочилъ мнѣ на встрѣчу, раскланялся, объявилъ, что падаетъ *до ногъ*, что у него останавливаются первые паны въ Галиціи, и отперъ мнѣ комнату, изъ которой я теперь пишу вамъ эти строки. Комната эта не мала, но низка до невозможности; окна малы, мухъ гибель, дверь грязна; кровать какъ-то странно надломлена въ ногахъ; чтѣ-то въ родѣ дивана стоитъ у стѣны; но я очень доволенъ всѣмъ этимъ — доволенъ, во-первыхъ, потому, что окружающій меня хаосъ напоминаетъ мнѣ Россію, а во-вторыхъ, у меня подъ окнами зеленый дворъ, деревья, и есть у меня разваливающееся крылечко, на которомъ я могу сидѣть и смотрѣть, чтѣ на дворѣ творится. А на дворѣ стоятъ брички, евреи въ пиджакахъ шныряютъ, и какой-то усатый полякъ мажетъ колеса. Впрочемъ, онъ не только колеса мажетъ, но и гардеробъ мой чиститъ,

чиститъ такъ добросовѣстно, какъ будто ему это дѣло въ новинку. Минутъ съ пять возился онъ съ моею шляпою, щеткою, пробиралъ ее, рукавомъ проходилъ по полямъ, встряхивалъ, обдувалъ, и, все-таки, не сумѣлъ вычистить: должно быть чистота платья постояльца моего еврея не входитъ въ специальность этого поляка. А полякъ мнѣ нравится: онъ напоминаетъ мнѣ типы старыхъ польскихъ солдатъ, которые попадаются вездѣ: и въ Европѣ и въ польскихъ романахъ, и которые чрезвычайно симпатичны. Въ нихъ много простодушія и наивности, при полномъ отсутствіи всякой задней мысли. Сколько я знаю польскаго простолюдина, въ немъ нѣтъ ничего общаго съ тѣмъ, чтѣ у насъ подразумевается подъ словомъ «полякъ». Это, просто-на-просто, чистое дитя полей и лѣсовъ, смѣлое и потому доброе, честное и потому наивное.

За нимъ явился долговязый еврей-кельнеръ въ пиджакѣ, съ неизбѣжнымъ *was wünschen sie?* Еврей, въ халатѣ и въ пейсахъ, не брезгаетъ польскимъ языкомъ, *за что его очень уважаютъ*, но еврей бритый и стриженный мнѣ уже рѣшительно гадокъ: онъ считаетъ себя *цивиломъ* и представителемъ цивилизаціи, блистаетъ своимъ знаніемъ нѣмецкаго языка, который, все-таки, ломаетъ, обдираетъ бѣднаго хлопа хуже чѣмъ простой набожный еврей, и уже окончательно ни передъ чѣмъ не останавливается.

Спрашиваетъ меня мой кельнеръ, чего мнѣ угодно. Бѣсть я не хочу, потому что усталъ, кофеею только-что на станціи напился, въ покупкахъ не нуждаюсь; *etwas hübsches wünschen Sie?* (хорошенькаго хотите?)

— Чего такого? неудомѣваю я.

— *Ganz ordentliches...* (очень порядочное), внушаетъ мнѣ мой еврей.

— Да что такое? Я не понимаю!

— *Für unterhaltung!* (позабавиться), поясняетъ онъ. Меня, наконецъ, озаряетъ: я понимаю, чѣмъ онъ подученъ и какого рода услуги мнѣ предлагаетъ. Не умѣю объяснить, лицо чтѣ ли мое приняло особое выраженіе, шевелинулся ли я какъ-нибудь особенно, только еврей отступилъ шага на два назадъ и сталъ извиняться. Когда онъ вышелъ, я остался въ полномъ недоумѣніи: гдѣ я ни бывалъ, куда я ни забѣжалъ, никогда ни одинъ половой не дѣлалъ мнѣ подобныхъ обязательныхъ предложеній; это принято только въ Россіи и въ Польшѣ — *ergo*, польская цивилизація не можетъ имѣть претензіи на

превосходство передъ нашею. Здѣсь евреи навязываются съ подобными угощеніями человѣку, который только что пріѣхалъ въ городъ; стало быть, общественная нравственность Перемышля стоять довольно невысоко. Не стали бы евреи угощать товаромъ, который не въ *большомъ* ходу: запросъ порождаетъ предложеніе, предложеніе порождаетъ запросъ — такъ учить политическая экономія. Кто виноватъ въ упадкѣ здѣшней нравственности, покуда не знаю, но постараюсь добиться.

Я вышелъ на крылечко. Утро было такъ хорошо — мнѣ хотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ послѣ духоты и тѣсноты вагона, въ которомъ я провезъ ночь. Мимо меня то и дѣло проходили поляки, возникшіе около бричекъ: это какіе-то разночинцы, вродѣ нашихъ мѣщанъ, отставныхъ солдатъ, старыхъ дворовыхъ — одни только съ усами, другіе съ усами и съ бакенбардами, въ долгополыхъ холщевыхъ сюртукахъ, въ большихъ сапогахъ. Этотъ классъ людей носить здѣсь преимущественно чамарки, разумѣется, безъ всякой политической цѣли, и что-то въ родѣ конфедератокъ — четырехугольные черныя кошаки съ козырькомъ. Надо признаться, что это незаконное сочтаніе народной польской (и великорусской) шапки съ нѣмецкимъ картузомъ вовсе не красиво, но, должно быть, въ большомъ ходу: даже школьники носить такой же уборъ на своихъ юныхъ головахъ. Народъ, то-есть, *мноп.* щеголяетъ въ соломенныхъ и поярковыхъ шляпахъ съ широкими полями. Такія шляпы распространены по всѣмъ отрожьямъ Карпатъ и по низовьямъ Дуная между валахами и молдаванами, костюмъ которыхъ вообще спально сбиваетъ на южнорусскій.

Возсѣданіе мое на крылечкѣ нѣсколько смутило спокойствіе честной компаніи, трудившейся около брпчекъ. Они, очевидно, ломали голову: *панъ* я или *не панъ*, и нѣтъ ли чего ясновельможнаго подъ моимъ порывѣлымъ пальто. Я изъ того это заключаю, что проходя мимо меня, они каждый разъ снимали шапки, и снимали ихъ какъ-то безпокойно, точно совѣсть ихъ была нечиста — слѣдуетъ кланяться или не слѣдуетъ вѣрѣлось у нихъ въ головѣ и они на всякій случай проходили мимо меня безъ шапокъ. Этого опять я не видалъ ни въ христіанской, ни въ турецкой Европѣ; даже у насъ, сколько я знаю Россію, это ломанье шапокъ передъ всякимъ, кто одѣтъ не мужикомъ, далеко не такъ въ обычаѣ. И это, опять-таки, не австрійцы ввели — это еще старая Польша живетъ съ ея папами

и дворянами, съ меценатами и кліентами — тутъ нѣтъ понятія объ англосаксонскомъ «selfhelp» и о нашемъ «ой, дубинушка охн!» здѣсь всѣ стали факторами другъ у друга, никто ничего не дѣлаетъ, всякій разсчитываетъ на лису другаго. прежде чѣмъ на свои «могутны плечи».

Перемышль (или Пшемысль, какъ говорятъ поляки) городъ очень и очень маленький: въ полчаса его можно весь исходить; но мало я знаю городовъ, которые лежали бы въ такой красивой долинѣ, какъ эта кучка домиковъ. Видъ вездѣ великолѣпные. Рѣка Сянъ (Санъ по-польски) вьется какъ лента, тополи, яворы, березы торчатъ тамъ и сямъ по канавкамъ нивъ; ницить съ русскимъ. Костелы смотрятъ въ небо своими маковками въ формѣ луковницъ — любимая форма и у насъ и у западныхъ славянъ: южные славяне вовсе ея не знаютъ. Проклясть бабъ и мужиковъ разгуливаетъ по городку. Это народъ очень бѣдный, большею частью босой, въ бѣлыхъ холщевыхъ свитахъ, покроемъ точно тапихъ, какъ наши армяки. Рубахи съ поямымъ воротомъ. Бѣдность ихъ видна во всемъ: суконныя свиты — рѣдкость; расшитыхъ рубахъ я почти вовсе не видалъ въ Перемышлѣ. Даже по кабакамъ мало они сидятъ — неурожай были въ послѣдніе годы, наборъ, да еще подати разоряютъ: здѣсь почти каждый платитъ правительству *трети* (это я не ошибаюсь, что пишу *трети*) своего дохода. Чѣмъ жить этой странѣ? А на ней еще лежитъ 300,000 евреевъ, людей, которые сами ничего не производятъ, ничему не учатъ жителей, которые, по умственному развитію, стоятъ не выше мужика, а по нравственному, очевидно, ниже, и которыхъ все занятіе состоитъ только въ томъ, чтобъ купить вещь у одного здѣшняго производителя и продать ее другому. Они живутъ положительно въ ущербъ краю. У нихъ нѣтъ ни фабрикъ, ни мастерскихъ — потому что лучше и не говорить, какіе они столяры, портные, сапожники; у нихъ домовъ даже нѣтъ — они вовсе не охотники строиться. Вѣчно пускаютъ они деньги въ обороты, вѣчно богатыются и разоряются, и богатыются, на все бросаются и ни за что толкомъ не берутся. Когда я гляжу на здѣшнія уличныя сцены, мнѣ все сдается, что евреи попали сюда вовсе не нѣсколько вѣковъ назадъ, а много, много съ мѣсяцъ. Какъ они пришли, такъ и остались въ дорожномъ, оборванномъ платьѣ; такъ и квартиры ихъ устроены на ско-

рую руку, полы не метены, вещи не прибраны. Они сами не знают, останутся они тутъ или завтра выберутся на всѣ четыре стороны; поэтому, они ничѣмъ и не обзаваются, а чтобы время не тратить по пустякамъ, ходятъ себѣ по улицамъ можетъ быть, не тутъ, такъ тамъ, понадобится кому-нибудь факторъ или что можно купить дешево. По крайней мѣрѣ, таково мое первое впечатлѣніе. Если я ошибаюсь и если замѣчу въ чемъ бы то ни было свою ошибку — я исправлю ее въ слѣдующихъ письмахъ.

Набродившись по городу безъ всякихъ путеводителей и показчиковъ, я отправился къ гг. Бачинскимъ, директорамъ русскаго народнаго театра, который мнѣ очень хотѣлось видѣть. Русскій театръ здѣсь дѣло новое и пользуется большимъ сочувствіемъ народа и духовенства — поляки и польская партія ненавидятъ его отъ глубины души. Гг. Бачинскіе живутъ по дорожному, въ отелѣ, гдѣ помѣщается и сцена. Я отрекомендовался, передалъ поклоны и былъ принятъ въ высшей степени радушно. Емельянъ Васильевичъ Бачинскій природный галичанинъ, родомъ изъ Самбора; лѣтъ ему будетъ около сорока; онъ сынъ священника, какъ всѣ здѣшніе образованные люди; а какъ всѣ здѣшніе артисты, сценическое поприще свое онъ началъ на польской сценѣ здѣсь и въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. Въ 1861 году, когда умеръ извѣстный антрепренѣръ Пекарскій, Емельянъ Васильевичъ сдѣлался директоромъ его странствующей труппы, ѣздилъ съ нею въ Одессу, въ Балту, въ Бердичевъ, въ Каменецъ-Подольскъ, женился на г-жѣ Лютомской, знаменитой по красотѣ и по трагическому таланту и въ 1864 году перебрался въ Галицію. Въ то время въ Россіи начали неблагоприятно смотрѣть на польскія и украинскія сцены, потому что въ употребленіи южнорусскаго нарѣчія видѣли какую-то сепаратистскую пропаганду — справедливо или нѣтъ, скажу послѣ — и Емельянъ Васильевичъ рѣшился перенестись въ Галицію, гдѣ его дѣятельность могла быть полезно русскому дѣлу. Туда же звалъ его, именно съ этою цѣлью, предсѣдатель оберландсгерихта во Львовѣ, членъ сейма и сеймовой комисиі, г. Лавровскій, одинъ изъ передовыхъ дѣятелей русскаго народа въ здѣшнихъ краяхъ. Лавровскій рѣшился основать въ Галиціи русскій театръ; но ни у него, ни у кого другаго русскаго не было на то денегъ. Прибѣгли къ складчинѣ, единственному способу что-нибудь сдѣлать — и складчина принесла 3,500 гульд. (около 2,100 руб. сер.). Деревенскіе свя-

щенники давали свои гроши, чиновники тайкомъ давали гульдены изъ своего жалованья; даже мужики, эти бѣднѣйшіе мужики на свѣтѣ, удѣляли свои крейперы на народное дѣло, сущность котораго имъ, разумѣется, несомнѣнно понятна. Но крестьянинъ вѣритъ своему попу и поповичамъ, потому что онъ убѣжденъ въ чистотѣ ихъ намѣреній и безкорыстной любви къ нему, и куда они пойдутъ, туда и онъ двинется своимъ робкимъ шагомъ. Владиміръ Хрисанфовичъ Бучацкій, собственно юристъ, а покуда же не рѣшился галицкой сцены, рассказываетъ, что онъ самъ, въ приходѣ своего отца, собралъ у мужиковъ *сорокъ четыре гулдена* на русскій театръ; надо видѣть здѣшняго мужика, отупѣлаго, босаго даже въ праздникъ, живущаго въ курной избѣ, чтобы понять, почему я выставляю курсивомъ эту цифру — *сорокъ четыре гулдена*. Здѣсь сторона чудесъ, лунное царство; Польша — исключительный міръ, и что здѣсь творится, не творится нигдѣ на свѣтѣ.

Сцена устроилась.

Поляки сочувствовали дѣлу, хотя я не слыхалъ, чтобы они помогали ему; сочувствовали потому, что имъ нравилось развитіе *рускаго* языка въ ущербъ языку *россійскому*. Въ первое представленіе, 17-го (29 го) марта 1864 года, дана была «Маруся» Квитки (Основьяненко) — оно произвело фуроръ. Театръ оказался возможнымъ. Бачинскимъ русскіе дали 1,000 гульденовъ (600 р. с.) годовой поддержки и половину сбора: труппа состоитъ у нихъ изъ четырнадцати артистовъ и пяти членовъ помощниковъ, считая кассира, суфлера и tutti quanti. Содержаніе ея стоитъ имъ 528 гульденовъ въ мѣсяцъ: артистъ получаетъ отъ 25-ти до 50-ти гульденовъ въ мѣсяцъ, т. е. отъ 15-ти до 30-ти рублей; при здѣшней общей бѣдности и дешевизнѣ — это все, что они могутъ дать. Да и сами актёры единогласно увѣряли меня, что они быются вовсе не изъ-за денегъ, а изъ за службы народному дѣлу. По мѣрѣ успѣховъ русской сцены, симпатіи поляковъ къ ней начали охлаждаться и перешли въ ненависть. На выборъ пьесъ, на ходъ и на существованіе театра имѣли вліяніе не шляхта, не поляки, а русское духовенство и поповичи. Употребленіе южнорусскаго языка оказалось равнозначимымъ употребленію нашего книжнаго, хоть актёры и зрители даже не знаютъ послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, русскій языкъ на сценѣ, въ водевиляхъ, въ трагедіяхъ, въ чемъ угодно — все это возбуждаетъ въ здѣшнемъ населеніи историческія

воспоминанія и гордость своимъ прошедшимъ. А прошедшее Руси и прошедшее шляхетной Польши — двѣ вещи разныя: Владиміръ Святой и Болеславъ Храбрый, Хмельницкій и Чарнецкій, Кіевъ и Варшава, православіе и унія, панъ и хлопъ — фаталистическая несовмѣстимость польскихъ традиціонныхъ ученій съ современными доктринами политической экономіи, народности и гражданскаго равенства. Поляки, съ ихъ точки зрѣнія, совершенно правы въ ненависти къ Руси, и они вовсе не ошибаются, опасаясь, что Русь *смокалитъ*. Гоненье на театрѣ таково, что дирекція, въ переѣздахъ своихъ, должна за все платить въ тридорога. Не всякій согласится допустить ее въ домъ, печатать афиши — одни считаютъ ее врагомъ польскаго дѣла, другіе не хотятъ ссориться съ поляками. Но театрѣ не только не страдаетъ отъ этого, а даже выигрываетъ: когда афиши, прилѣпленныя на стѣнахъ домовъ, ревнители старой Польши вымажутъ грязью или веществомъ болѣе благороднаго происхожденія, чѣмъ простая уличная грязь — театрѣ становится вдвое болѣе полонъ: одни идутъ изъ оппозиціи, другіе изъ любопытства. Къ чести поляковъ надо сказать, что такія энергическія мѣры противъ *россійской* пропаганды принимаются вовсе не образованными людьми — только мелкая полуграмотная шляхта, мастеровые, слуги потѣшаютъ себя этими выходками.

До представленія оставалось часа три. Я пошелъ въ униатскій капитулъ къ отцу Григорію Гинилевичу, канонику здѣшней епархіи. Въ капитулъ, бывшемъ кармелитскомъ монастырѣ, помещается типографія, семинарія (*семеннице*, какъ здѣсь очень хорошо выражаются), библіотека. Каноникъ, то-есть епархіальный совѣтникъ, выбритый и выстриженный, какъ все здѣшнее духовенство, несмотря ни на соборныя положенія, ни на протесты, принялъ меня чрезвычайно радушно: вообще я долженъ сказать, что едва-ли гдѣ есть люди бѣднѣе, но за то ласковѣе и гостепріимнѣе здѣшнихъ. Мнѣ съ ними ужасно неловко: я не знаю, какъ и чѣмъ отвѣчать на эту предупредительность, которая у нихъ идетъ очевидно отъ сердца — не знаютъ, куда посадить, чѣмъ угостить; а между тѣмъ, я человѣкъ имъ совершенно незнакомый, даже и явился сюда безъ всякихъ письменныхъ рекомендацій. Отецъ Григорій, какъ и всѣ здѣсь, не говоритъ по-книжному. Первые минуты мнѣ было нѣсколько трудно понимать его южнорусскую рѣчь, мягкую нѣжную: *винъ* вмѣсто *онъ*, *свитъ* вмѣсто *свѣтъ*, *тѣный* — *тѣрный*,

~~бонито~~ — *много*, *першій* — *первый* и т. п. Но нашъ книжный языкъ имѣетъ то превосходное свойство, что правописаніе его ~~никогда~~ *никогда* не указываетъ на наше, московское, произношеніе, да сверхъ того, въ немъ напутано такое множество церковныхъ и южно-русскихъ словъ писателями прошлаго вѣка, изъ которыхъ девять десятыхъ были южнорусы, что стоитъ нѣсколько минутъ прислушаться къ этому говору, чтобъ освоиться съ ~~нимъ~~ *нимъ*. Меня же они хорошо понимаютъ, особенно когда я говорю медленно и не припутываю чисто великорусскихъ выраженій. Два это языка, сѣвернорусскій и южнорусскій — или одинъ? Мнѣ кажется, что они находятся теперь въ томъ періодѣ, когда могутъ и слиться, и раздѣлиться безъ особыхъ успѣховъ. Хотя и стѣбитъ ли того раздѣляться и нужно ли это раздѣленіе, я сильно сомнѣваюсь. Помимо всякихъ соображеній о единствѣ Русскаго Государства. Близки эти языки такіе, что если мнѣ нужна недѣля, чтобъ заговорить по-чешски или по-сербски, то едва-ли въ полгода перейму я южнорусскій выговоръ. Я съ перваго раза понимаю все, что мнѣ говорятъ, и меня съ перваго раза понимаютъ: разница только въ произношеніи гласныхъ, да въ употребленіи десятка-другаго словъ. Вообще же мнѣ не разъ высказывали галичане, что они понимаютъ насъ лучше, когда читаютъ, чѣмъ когда слушаютъ. А затѣмъ, еслибъ они, какъ и всѣ вообще южнорусы, пошли по дорогѣ, указанной сербами, то литературное единство русскихъ нарѣчій, разумѣется, порвалось бы. Сербы такъ очистили свой языкъ отъ примѣся всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій, такъ строго приняли въ основаніе своего книжнаго языка языкъ своихъ пѣсенъ и сказокъ — что теперь не понимаютъ нашихъ книгъ. Галичане вообще владѣютъ политическимъ тактомъ и избѣгаютъ этого отчужденія отъ прочей Руси. Они говорятъ и пишутъ по-своему, но приняли такую орфографію, что и мы можемъ понимать ихъ, и они выучиваются читать по-нашему. Они удержали *о* или *е*, которыя выговариваются у насъ иногда какъ *и*; они отличаютъ ихъ отъ чистаго *о* и *е* настрочнымъ *а* — *ô, ê*, а придыхательнаго *с* вовсе не пишутъ. Поэтому въ ~~ихъ~~ *ихъ* книгахъ вездѣ стоитъ *світъ*, *блѣый-брелъ*, *ôкно* — вмѣсто болѣе правильныхъ, но совершенно непрактическихъ, *світ*, *блѣий*, *воріллъ*, *ôкно*. Любовь къ своему языку и лингвистическая послѣдовательность — вещи очень хорошія, но расчетъ долженъ стоять выше всего. Разойтись можно легко, но не лучше ли

тысячу разъ подумать, прежде чѣмъ изъ любви къ грамматикѣ, рѣшиться на этотъ шагъ? Впрочемъ, я слишкомъ великорусъ, чтобъ быть безпристрастнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ; мнѣ оно кажется положительно вреднымъ: для чего отрекаться отъ общаго намъ всѣмъ способа выраженія мыслей, лишать и себя и насъ возможности помогать другъ другу? Гоголь, Марко Вовчокъ и другіе — такіе же южнорусскіе, какъ и наши, писатели.

Разговоръ съ отцомъ Григоріемъ зашелъ, разумѣется, прежде всего объ уніи. Онъ глубоко негодуетъ на латинизацію ихъ церкви. По соборнымъ постановленіямъ, уніаты не только могутъ, но даже *должны* сохранять восточный обрядъ: унія вся состоитъ только въ признаніи главенства папы — а іезуиты обрили и остригли духовенство, ввели въ обрядъ множество латинскихъ обычаевъ. Царскія двери же затворятся; облаченіе переименовано, стало на половину латинскимъ, на половину нашимъ; иконостасъ, большею частью, безъ иконъ; звонятъ во время богослуженія; насилу органы удалось вывести. Мы хотимъ, говоритъ о. Гинилевичъ, возстановленія той церкви, которой отцы наши слѣдовали; мы просимъ о томъ, на что имѣемъ право, — и намъ отказываютъ. Папа согласенъ на все; онъ только то и твердитъ, что *любитъ* (?) восточный обрядъ, но церковью управляетъ не онъ, а его приближенные, которые всѣ состоятъ подъ вліяніемъ іезуитовъ, а іезуиты домогаются централизаціи церковнаго управленія въ Римѣ и введенія повсюду одного и того же обряда. Іезуиты — это монтаньяры католицизма. Имъ глаза колетъ всякая мѣстная особенность, основанная на преданіи или на исключеніи. Въ Китаѣ они допускали унію католичества съ ученіемъ Конфуція, но вовсе не за тѣмъ, чтобъ сохранять ее, а только чтобъ не препятствовать распространенію правъ Рима. Русскіе признали Римъ — стало быть, теперь нѣчего баловаться сохраненіемъ всякой нелатинской старины, словомъ, унія была дѣйствительно западною латинизма восточному обряду, а мечты распространить славянское богослуженіе у прочихъ славянъ-католиковъ помощію уніи теперь допнули. У насъ хаосъ, говорятъ уніаты: нами помываютъ, какъ хотятъ, безъ уваженія къ нашимъ правамъ, да вдобавокъ презираютъ насъ. Положеніе, дѣйствительно, незавидное.

Въ библіотекѣ капитулы хранятся: портретъ князя Льва Галицкаго, епископовъ и прочихъ перемышльскихъ русскихъ дѣятелей, вериги великаго пропагандиста католицизма и гони-

православія Максимиліана Рыла, мощи котораго лежатъ въ Перемышлѣ и творятъ чудеса. Замѣчательныхъ вещей много: грамоты Льва разнымъ церквамъ, нѣсколько рукописанныхъ евангелій, но не старыхъ, древній семиконечный крестъ.

Я могу потѣшить нашихъ ревнителей древняго благочестія — осьмиконечный и семиконечный крестъ, дѣйствительно, были чрезвычайно распространены въ Россіи, такъ что ихъ надо отнести къ особенностямъ русской церкви. На Востокѣ ихъ почти не знаютъ, какъ не знаютъ нашихъ фелоней съ короткимъ передомъ, нашихъ каптырей, элиросовъ, потного шнѣя (хоть по крюкамъ) и т. п. Съ глубокодrevнихъ временъ, русская церковь была вполне народною и развивала православіе независимо отъ греческой, передавшей ей, при паденіи Цариграда, всѣ свои права на православный востокъ. Новыхъ русскихъ книгъ въ библіотекѣ нѣтъ — наши писатели и наши ученые общества даже не знаютъ о существованіи здѣсь русскихъ и не удостоиваютъ ихъ, бѣдныхъ, своимъ вниманіемъ; но духовенство наше знаетъ этотъ край. Отецъ Григорій говоритъ, что ему присылаютъ наши духовные журналы. *Дуже гарно*, говоритъ онъ, идетъ у васъ богословская литература. Статьи все дѣльныя, видно серьезное изученіе предмета, а онъ чловѣкъ хорошо знакомый съ богословіемъ. Объ уніи и ея будущности, какъ вообще обо всѣхъ этихъ вопросахъ, щекотливыхъ для здѣшнихъ жителей, я не заговаривалъ, да и не стану заговаривать. Дѣло разъяснится само собою, а Римъ и Польша сами разбираютъ этотъ гордіевъ узелъ Галиціи.

Отцу Григорію нужно было идти на какое-то засѣданіе — мнѣ нужно было побродить по городу. Капитула стоитъ на горѣ: и не далеко отъ нея развалины польской крѣпости, поставленной на мѣстѣ русской, которая, по преданію, была деревянная. Тутъ-же, гдѣ-то, говорятъ, хоронились русскіе князья. Подлѣ развалинъ хорошенькій городской садъ. Польская надпись поручаетъ его покровительству жителей. Видъ съ горы великолѣпный. Весь городокъ какъ ча ладони: рѣка Санъ змѣится по долині. Помнится, въ нашихъ географіяхъ она обозначена польскимъ именемъ Санъ — это ошибка. Санъ очень мелокъ, такъ что его въ бродъ переѣзжаютъ; у него песчаное дно, и здѣшніе жители хвалятъ купанье въ немъ. Но весной онъ очень сильно разливается и нерѣдко разоряетъ крестьянъ. Въ этихъ разливахъ вода размываетъ старыя могилы; кости русскихъ и

поляковъ, не разъ обливавшихъ кровью его берега, вновь являются на свѣтъ божій. Хороша эта сторона, но тяжелую исторію прошла она, и много горя видѣла и видитъ здѣсь бѣдная Русь. «Знай лише — по Сянъ наше!» говорятъ до сихъ поръ русскіе полякамъ, указывая на свою рѣчку; а она, въ самомъ дѣлѣ, служитъ этнографическою границею мазуровъ съ русскими

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ 10.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ НАРОДНЫЙ.

Въ пятокъ, 2-го (14-го) септемврія 1866. На доходъ (т. е. бенефисъ) Александра Концевича.

въ ПЕРШІЙ РАЗЪ:

Г А Л Я

Новая оперетка въ 2 дѣйствіяхъ съ французскаго. Новая оригинальная музыка г. Михаила Вербицкаго.

Л и ц а:

Иванъ, старый жовнеръ (солдатъ) . . . . . П. Нижанковскій.
Галя, его дочка. . . . . П-на Бачиньска.
Славскій, офицеръ . . . . . П. Концевичъ.
Гордыня, шингарка . . . . . П-на Лукасевичъ.
Гаврилко, ея сынъ . . . . . П. Вѣтошинскій.
Петро, слуга Славскаго . . . . . П. Максимовичъ.

Дѣся передъ хатами Гордыни и Ивана.

ПЕРЕДЪ ТЫМЪ:

КОТРА ВЪ НИХЪ.

Комедія съ французскаго въ 1 дѣйствіи.

Л и ц а:

Наталія Кривска, замужна . . . . . П-на Лукасевичъ.
Наталія Кривска, вдова . . . . . П-на Смоленска.
Таня, pokojа (горничная) . . . . . П-на Морельовска.
Смѣленько . . . . . П. Чапкій.

Цѣна мѣстамъ: Мѣстце нумер. 1 зр. — Мѣстце стоящее 50 кр. —
Партеръ 25 кр. — Галерія 20 кр. а. в.

Початокъ о 7 годинѣ вечеромъ.

Смерклося. Я пошелъ въ театръ, устроенный временно въ одной изъ залъ еврейскаго отеля (здѣсь все еврейское). Надъ занавѣсомъ — увы! я понимаю, за что этотъ театръ не любятъ поляки — красовался не бѣлый орелъ, а галиційскій левъ. Народу было полно. Афиша гласила... но я выписалъ вамъ всю афишу, чтобъ вы видѣли какой здѣсь языкъ.

Я заплатилъ золотой ренскій (гульденъ), какъ здѣсь говорятъ, и за это досталъ себѣ мѣстце нумерованное, то-есть кресло, или, по просту, стулъ въ партерѣ. Мой № 80-й пришелся въ пятомъ ряду, противъ самой сцены. Театръ, какъ я сказалъ, былъ полонъ, и между зрителями было очень много священниковъ. Священники русскіе костюмомъ ничѣмъ почти не отличаются отъ ксѣндзовъ, развѣ только волосы носятъ несколько подлиннѣе, изъ оппозиціи латинству. Главные покровители театра, присутствіе свое они тѣмъ объясняютъ, что «Кормчая» запрещаетъ ходить только на безправственныхъ *мозорица*, какъ бои гладиаторовъ, непристойныя пьесы, а вовсе не на такія представленія, которыя совершаются добрыми христианами; а другое, толкуютъ здѣсь, нельзя же пастырю не наблюдать за увеселеніями его паствы. Я не богословъ, поэтому ничего не скажу — такъ это или не такъ.

Сосѣди мои то и дѣло заговаривали со мною: *зкъ господину ся подобае нанигъ театрз? господингъ естъ зъ далека? Изъ маленькомъ городѣ уже знали, что я пріѣзжалъ и россиянинъ*. Представленіе началось водевилемъ: Котра съ нихъ? Бачинскій говорилъ мнѣ, что это переводъ съ *россійскаго*, и что его дають у насъ *). Сюжетъ тотъ что Смѣленко докупился до тюрьмы и если не женится на вдовѣ Кривской, то дая не выкупить его и не сдѣлаетъ своимъ наслѣдникомъ. Онъ приходитъ къ Кривскимъ, объявляетъ, что женится на одной изъ нихъ, но спрашиваетъ на которой, потому что онъ не знаетъ, которая изъ нихъ вдова. Онъ удивленъ такимъ сътовѣтвомъ *ex abrupto*, сердятся на него, мистифируютъ его и заставляютъ угадать, кто изъ нихъ его нареченная. Я ожидалъ перелъ поднимемъ занавѣса, что все выйдетъ очень печально: во-первыхъ театръ устроенъ въ захолустѣ, на колесечныя средства, другое — малорусскій языкъ можетъ куда угодно идти, но никакъ не въ водевилъ, и... и, какъ всякій предубѣжденный человѣкъ, жестоко ошибся.

*) Въ Петербургѣ эта пьеса дается подъ названіемъ «Которая изъ двухъ»?

Въ Польшѣ сильно развита провинціальная жизнь: поэто-
му, человекъ изъ какого-нибудь Перемышля вовсе не походить
на человека изъ какого-нибудь Царевкокшайска, а потому и
польскія провинціальныя труппы, въ которыхъ образовалась
большая часть русскихъ актеровъ, вовсе не плохи. Разумѣет-
ся, что публика, между которою я сидѣлъ, была далеко не такъ
зыскательна, какъ наша, и что народный театръ *обязан* при-
ниться ей, что неизбежно портить актеровъ; но и думаю, что
этимъ актерамъ даже и не въ Перемышлѣ всякій сталъ бы
аплодировать отъ чистаго сердца. Чапскій (собственно Влади-
миръ Хрисанфовичъ Бучапскій) превосходно сыгралъ свою роль.
Про актрисъ я ничего не скажу: онѣ играли не худо, но въ
этой пьесѣ не могли показать своего таланта. Языкъ... но са-
ми украинскіе писатели приучили насъ читать и слушать на
этомъ языкѣ только наивности, а между тѣмъ онѣ ничуть не
страшны въ устахъ свѣтскихъ людей, какіе были выведены въ
этой пьесѣ. Разумѣется, изъ него, какъ и изъ всякаго про-
винциализма, можно очень легко сфабриковать новый языкъ, и
суть-то надо дивиться непредусмотрительности поляковъ, кото-
рые ничего не сдѣлали для этого языка, тогда какъ вѣчно тол-
ковали, что онъ-то и есть истинный русскій, а не русскійскій.
Они сами помогали и помогаютъ слитно соединить всѣхъ рус-
скихъ племенъ, и если когда осуществится это слитіе, если
когда-нибудь и сама уиѣ исчезнетъ, то это, опять-таки, бу-
детъ польская работа; не надо пророкомъ быть, чтобъ пред-
сказать это: вся польская политика послѣдняго времени есть
политика политическаго самоубійства.

«Гали» шла также очень хорошо, но эта пьеса уже изъ
народнаго быта и съ направленіемъ. Глупый Гаврилко, сынъ
богатаго Гордыни, влюбился въ дочь отставнаго солдата Ива-
на. Солдатъ груститъ, что его дочь невесела; Гаврилка, въ
простотѣ души, утѣряетъ его, что она въ него влюблена и
проситъ старика, чтобъ онъ поговорилъ за него съ его гордою
и богатою матерью. Мать не соглашается. Въ это время при-
ѣзжаетъ въ село капитанъ Славскій, въ котораго и влюблена
Гали; старый солдатъ проситъ поговорить за него съ богат-
ною. Славскій самоотверженно рѣшается сватать за Гаврилку
дѣвуху, въ которую увѣлъ самъ влюбиться. Выходитъ пу-
таница; никто ничего не понимаетъ. Наконецъ, Славскій же-
нится на Гали и дѣлается мужикомъ, что торжественно и обѣ-

являетъ присутствующимъ, советуя убѣгать развратныхъ го-
родовъ и возвращаться на лопу сельской тишины въ *своихъ*
землякамъ, для службы *своему* народу, для того, чтобъ жить
одною жизнью съ народомъ, и народъ эдакъ на сценѣ одѣтъ
дѣвками русскими — стало быть, каменъ живутъ въ польскій
огородъ. Но направленіе пьесы не искушаетъ наигрускости ро-
лей Ивана и Славскаго: роли эти фразисты до крайности, такъ
что слушать тошно. Тѣмъ не менѣе, жена Бачинская играла
Галию великолѣпно, и я понимаю, почему все русское говоритъ
о ней съ такимъ энтузіазмомъ, а полики заняты, что она —
сама виленская полька — играетъ на русской сценѣ. Ей уже 26-
лѣтнею давали въ мѣсяцъ, чтобъ она перешла въ Краковъ,
благородная женщина не повидаетъ вѣнчатаго дѣла. Теопла-
Осяповна почти на сценѣ и родилась. Отецъ ея самъ антре-
пренеръ, и труппа его теперь гдѣ-то въ Орлѣ или около Орла
(у брата ея мѣховой магазинъ въ Петербургѣ на Невскомъ).
Первый дебютъ этой замѣчательной артистки былъ въ балетѣ
въ Варшавѣ; но для балета у нея было слишкомъ много та-
ланта: танцовать мало тому, кто можетъ говорить. Какъ и все
актеры нашихъ западныхъ губерній, она пустилась въ путь,
играла въ Берличевѣ (театръ Зелемисаго) въ Кіевѣ на гу-
бернскомъ театрѣ, который состоялъ тогда подъ управленіемъ
генерала Кобылина, наконецъ очутилась въ Каменскъ-Подоль-
скомъ, гдѣ и вышла за г. Бачинскаго. Я пристально слѣдилъ
за ея игрою — ни одной заманливой позы, ни одной искус-
ственной позы. Такъ и виднѣлась красавица Галия, которая даже
сама не знаетъ, что она влюблена. Любимый отецъ и дорогой ей
Славскій, не понявъ ее молодого сердца, вылазятъ е за дру-
гаго — какъ негодуешь она и какъ понять не можешь, что съ
нею творятъ! Признаніе вырывается у нея невольно, само съ-
бою, просто и безхитростно. Чего же хитрить? Любовь ея чи-
ста, и ея дѣвичья стыдливость не можетъ быть оскорблена этимъ
признаніемъ. Да, надо быть очень не повѣдливо актрисою,
чтобъ изъ этой слабенькой пьесы, изъ водеvilной роли сдѣ-
лать нѣчто порядочное, заставить зрителя пережить жизнь
дѣвочки семнадцати лѣтъ, заглянуть въ тайники ея сердца.
Передать игру артиста также нельзя словами, какъ музыку,
какъ картину: поэтому я и не стану больше разсказывать объ
ея игрѣ; яо долго, кажется, не забуду этого вечера въ театрѣ
бѣдняковъ, въ глухой Галициѣ, въ бывшемъ полурусскомъ Пе-